

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

DOI: 10.19181/socjour.2022.28.4.9317

EDN: IGCRMU

Г.В. НИОРАДЗЕ^{1,2}

¹ Российский государственный гуманитарный университет.
125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., 6., корп. 5.

² Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.
119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1.

ТРУД ПЕНСИОНЕРОВ И ГИГ-ЭКОНОМИКА: ПРЕКАРИЗАЦИЯ ИЛИ НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ?¹

Аннотация. Гиг-экономика является гибкой формой труда, характерная черта которой — проектная занятость на цифровых платформах. Цель статьи — проанализировать сущность гиг-экономики для оценки ее влияния на трудовую занятость старшего поколения. Аналитический обзор произведен с учетом следующих задач: 1) анализ релевантной литературы, 2) вторичный анализ количественных, качественных и статистических данных, 3) оценка влияния гиг-экономики на занятость пенсионеров с точки зрения прекаризации. Анализ литературы свидетельствует о том, что флексибилизация рынка труда описывается неоднозначно: ряд авторов отмечают положительные стороны (свободный график, рост индивидуальности, стирание бюрократических ограничений), другие сосредоточены на негативных (нестабильность доходов, отсутствие социальных гарантий, сверхэксплуатация и проч.). Автор выделяет ряд рисков для пожилых гиг-занятых (вынужденная самозанятость, уязвимость перед мошенничеством, отсутствие социальных гарантий от работодателя и др.), однако приходит к выводу о скорее положительной роли гиг-экономики в занятости пожилых: 1) социальная защищенность (базовый пенсионный доход и социальная защита), 2) интеграция в новую трудовую реальность и возможности повышения благосостояния, 3) ресоциализация и проч. Отдельным достоинством самозанятости является выгодное для пожилых фискальное нововведение, позволяющее пенсионерам получить статус самозанятого, не теряя индексации пенсии. Научная новизна исследования состоит в анализе занятости старшего поколения сквозь призму гиг-экономики и прекаризации.

¹ Выполнено в рамках гранта РНФ №18-18-00024.

Автор выражает благодарность за помощь в анализе данной темы руководителю гранта РНФ № 18-18-00024 и своему научному руководителю Ж.Т. Тощенко.

Ключевые слова: пенсионеры; гиг-экономика; прекаризация; платформенная занятость; активное долголетие; старшее поколение; старение; рынок труда; труд пенсионеров.

Для цитирования: Ниорадзе Г.В. Труд пенсионеров и гиг-экономика: прекаризация или новые возможности? // Социологический журнал. 2022. Том 28. № 4. С. 102–117. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.4.9317 EDN: IGCRMY

Введение. Старение населения и пенсионеры на рынке труда

Данная статья представляет собой аналитический обзор, в котором предметом исследования выступает электронная самозанятость пенсионеров в условиях гиг-экономики. Для достижения цели исследования одним из методов являлся анализ релевантных научных публикаций. В качестве эмпирической информации частично использовались данные «РГГУ Прекариат-2022»², однако из-за специфики темы мы основывались главным образом на вторичном анализе результатов количественных (ВЦИОМ, ФОМ и др.) и качественных [5] данных, статистических отчетов (Росстат, ЦБ и др.).

Старение населения вслед за демографическими переходами и этапом взрывного роста населения привело рынок труда к необходимости перестраиваться. Сокращение рождаемости и смертности предопределило разбалансировку конфигурации систем социальной защиты и рынка труда. Проще говоря, рост численности старших возрастных групп (в 2019 г. доля пожилых — 9%, к середине XXI в. — 16%³) при уменьшении популяции более молодых возрастных групп обозначил недостаток трудовых ресурсов и кризис социального государства.

Следствием адаптации общества к новой социальной реальности является усиление роли старших возрастных групп в обществе и в экономике [15]. За 10 лет (2010–2020) зафиксирован рост численности работников пенсионного возраста на 1,3 млн человек⁴, повысился средний возраст работника с 39,75 до 41,3 года⁶, а средний трудовой стаж после выхода на

² Всероссийский опрос трудоспособного населения «РГГУ Прекариат 2022». Сроки проведения исследования: май 2022 г. Объем выборочной совокупности — 1200 человек. Метод — личное интервью. Репрезентативная модель выборки для Российской Федерации и федеральных округов РФ с соблюдением пропорций по численности занятого населения в возрасте 18 лет и старше.

³ United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019). World Population Ageing 2019: Highlights (ST/ESA/SER.A/430). P. 18.

⁴ Труд и занятость в России. 2021: Статистический сборник / Росстат. М., 2021. С. 72.

⁵ Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2020: Статистический сборник / Росстат. М., 2020. С. 19.

⁶ Труд и занятость в России. 2021... С. 19.

пенсию — с 4,3 до 5,8 лет⁷. Одновременно увеличивается техническая грамотность старшего поколения, являющегося теперь основным драйвером роста интернет-аудитории⁸. Об актуальности роли пенсионеров (в т. ч. трудящихся) свидетельствует принятый федеральный проект «Старшее поколение»⁹, а также разработанная концепция политики активного долголетия¹⁰. Это соответствует современной парадигме старения «активное долголетие», предлагающей включение пенсионеров в жизнь общества через трудовую деятельность или новые формы досуга [3]. В конечном итоге все это приводит к формированию *серебряной экономики* — модели, предполагающей возрастание роли старшего поколения в труде.

Однако одновременно возрастает и роль работы для самих пенсионеров, поскольку для современного человека труд выполняет функцию самореализации, а для пенсионера после выхода на пенсию способствует ресоциализации [1]. Исследование П.М. Козыревой и А.И. Смирнова на данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS—HSE) эмпирически отражает тот факт, что наличие работы у пенсионера повышает его среднюю оценку собственного положения на шкале уважения с 6,16 до 6,74 [8, с. 20]. Вдобавок к этому основным мотивом к продолжению/возобновлению трудовой деятельности является материальный фактор из-за низких доходов от пенсии и социальных выплат [7, с. 11]. Так, обращает внимание следующая динамика: если в 1990 г. менее половины респондентов пенсионного возраста заявляли о финансовой причине продолжения трудовой деятельности, то в 2020 г. — 74%¹¹. Отчасти такое положение связано с тем, что со-

⁷ Продолжительность трудового стажа после назначения пенсии по возрасту назначения и виду назначенной пенсии в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. 2022. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab-st-tr_st.htm (дата обращения 27.05.2022).

⁸ Проникновение Интернета в России: итоги 2018 года // GfK. 2019. — URL: https://cdn2.hubspot.net/hubfs/2405078/cms-pdfs/fileadmin/user_upload/dyna_content/ru/documents/press_releases/2019/gfk_rus_internet_audience_in_russia_2018.pdf (дата обращения 22.10.2020).

⁹ Национальный проект «Демография» // Официальный сайт Министерства труда России. 2021. — URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programmms/demography> (дата обращения 28.04.2021).

¹⁰ Концепция политики активного долголетия: научно-методологический докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / Под ред. Л.Н. Овчаровой, М.А. Морозовой, О.В. Сиянской; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 40 с.

¹¹ Выход на пенсию // ВЦИОМ. 2015. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vykhod-na-pensiyu-ne-povod-brosat-rabotu> (дата обращения 10.02.2020); Работа на пенсии // ВЦИОМ. 2020. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabota-na-pensii-za-i-protiv> (дата обращения 10.02.2020).

ветский пенсионер был в большей степени обеспечен бесплатными услугами, нежели российский, что компенсировало многие затраты (лекарства, поездки и проч.) [13, с. 68].

Теоретический обзор проблем прекаризации в контексте гиг-экономики

Процесс распада стандартных трудовых отношений вызвал у научного сообщества необходимость широкого осмысления новой трудовой реальности. Д. Пинк [23] акцентирует внимание на возможностях, открывающихся благодаря флексибилизации труда, включая переход от «людей организации» к «свободным агентам», характеризующийся освобождением работников от коллективных целей и правил, а вместо этого — удовлетворением индивидуальных потребностей и интересов. Наиболее явным образом это проявляется в свободном графике работы. Противоположной позиции придерживаются К. Дерре [20], Г. Стэндинг [24], аргументируя ее ростом нестабильности отношений, незащищенности работников, негарантированности доходов, а в целом — постепенным вытеснением из трудовой сферы. Ж.Т. Тощенко [18] и его коллектив [11; 12], в 2018–2022 гг. проводившие ежегодные всероссийские опросы трудоспособного населения, подтверждают схожие негативные тенденции и для российского общества, призывая переходить от понятия «прекаризация труда» к «прекаризации жизни». И.О. Шевченко и П.В. Шевченко доказывают этот тезис на эмпирическом уровне, используя данные опросов: нестабильность в трудовой сфере неизбежно приводит к шаткому положению в жизни в целом из-за недостатка социальных гарантий (например, в случае болезни), неуверенности в завтрашнем дне (нестабильность доходов), слабости механизмов защиты неформально трудящихся и проч. [19]. Таким образом, ученые осмысливают прекаризацию в целом, характерную для разных слоев и возрастных групп работников.

Отдельное направление исследований образует *анализ прекаризации труда старшего поколения*. Д. Лэйн в похожем ключе рассуждает об «онтологической прекарности» пожилых британцев из-за общественного принуждения к максимально длительному продолжению трудовой деятельности вместе с эйджизмом и недостаточными пенсионными доходами [21]. Р. Милкмэн анализирует данные опросов американских работников, выявляя прекаризацию старшего поколения через возрастную дискриминацию (эйджизм) [22]. И.А. Григорьева приходит к выводу, что процессу прекаризации подвержены различные группы работников старшего поколения, но наибольший риск — у низкоквалифицированных и с низкой трудовой мотивацией [2, с. 64].

В контексте данной статьи особую значимость имеет еще одно направление исследований — *прекаризация гиг-работников*. Английский социолог К. Крауч критикует устоявшееся мнение о том, что гиг-экономика является формой труда будущего. Исследователь акцентирует

внимание на различных способах, с помощью которых работодатели ограничивают права трудящихся (временная работа, неполная занятость и проч.), что и привело к формированию гиг-экономики [9]. Вместе с тем некоторые исследователи отмечают положительные свойства новой формы занятости. Так, снижается потребность в бюрократических посредниках (отделы кадров, начальство, работодатель в целом), устраняются барьеры (к примеру, недостаток опыта для получения должности), новые группы работников получают доступ к более широким возможностям заработка: сельские жители, люди с ограниченными возможностями, лица, занятые уходом за близкими [25]. Все это, безусловно, актуально и для пенсионеров. Наконец, в литературе имеется более сдержанный и наиболее рациональный подход: *цифровые платформы представляют собой зарождающуюся и очень динамичную экономическую форму, характеризующуюся высоким уровнем нестабильности с непредсказуемым будущим* [26]. В статье Л.В. Лapidус и Ю.М. Поляковой уделяется внимание новой форме труда — гиг-экономике, появившейся в результате цифровизации различных сфер жизни, включая трудовые отношения [10].

Гиг-экономика: определение и схожие понятия

Одним из ключевых трендов, оказывающих влияние на рынок труда, является прекаризация занятости или распространение новых нестандартных, гибких ее форм. В результате флексибилизации труда появляется новая форма занятости — «гиг-экономика», «экономика подработок» или «платформенная занятость». Согласно Кембриджскому словарю, *gig-economy* — *форма труда, основанная на выполнении временной работы или выполнении отдельных фрагментов работы, которые оплачиваются сдельно, в отличие от наемной работы*¹². Отдельно подчеркнем: гиг-экономика не сводима исключительно к подработкам, хотя они составляют ее значительный сегмент. Не подходят также термины «вторичная занятость», «неполная занятость», «эпизодическая занятость», что выделяет особую отдельную форму занятости — гиг-занятость. В этой связи крайне точным и лаконичным является другое определение *гиг-экономики* — *это сдельная экономика, экономика подработки или свободного заработка*¹³, участие в которой носит проектный характер.

Важнейший критерий гиг-экономики — *цифровое обрамление трудового процесса*, которое может как проявляться в виде коммуникации

¹² Gig economy // Cambridge Dictionary. — URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/gig-economy> (дата обращения 28.07.2022).

¹³ Принцип Tinder в работе: каким будет рынок труда в будущем // РБК. — URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5f76ed9b9a7947f921378f52> (дата обращения 28.07.2022).

(например, заказчик и исполнитель используют интернет-платформы для интеракции), так и составлять существенную основу трудового процесса (написание сайта, разработка веб-дизайна и проч.).

Данные исследования рынка услуг показали, что наиболее часто исполнителями гиг-услуг являются самозанятые¹⁴. Таким образом, *наиболее масштабная и пригодная для анализа форма труда в гиг-экономике — самозанятость*, через которую проявляются и иные формы трудовой деятельности.

Самозанятость как форма участия в гиг-экономике

Юридическое закрепление статуса «самозанятый» произошло в 2018 г., а всероссийское распространение статус получил в 2020 г. Несмотря на небольшой срок, динамика этой формы занятости является прогрессирующей. Так, в июне 2022 г. численность самозанятых превысила 5 млн человек, удвоившись в течение года¹⁵. Оценить точную численность самозанятых пожилых затруднительно, однако, как следует из данных ВЦИОМа, среди лиц старше 60 лет хорошо знают о новой форме трудовых отношений 30%¹⁶, а в 2018 г. аналогичный показатель, по данным ФОМа, составлял лишь 14%¹⁷. Отметим, что самозанятые — неоднородная группа, часть ее представителей оказывают услуги как «бизнесмены» (посуточная сдача жилья), другие же осуществляют трудовую деятельность (самозанятые профессионалы, фрилансеры). Гиг-экономику составляют последние.

Основной смысл введения самозанятости состоял в попытке государства сократить объем теневой занятости с целью увеличения фискальных доходов. Однако на рынок труда данное обстоятельство оказало неоднозначное влияние. С одной стороны, работники получили возможность легализовать собственную деятельность, получив при этом льготные условия по налоговой ставке (от 4 до 6% НДФЛ в зависимости от контрагента — физического или юридического лица). С другой стороны, закон о самозанятых позволил легализовать эксплуататорские практики работодателей, вытесняющих работников из штата своей организации и перекладывающих все риски на самозанятого.

¹⁴ Российский рынок услуг // Avito для бизнеса. — URL: <https://business.avito.ru/services-research> (дата обращения 22.07.2022).

¹⁵ Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // ФНС России. — URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения 28.07.2022).

¹⁶ Самозанятые в России: как защитить их социальные права? // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/samozanjatye-v-rossii> (дата обращения 29.07.2022).

¹⁷ Налог для самозанятых // Фонд «Общественное мнение». — URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14141> (дата обращения 29.07.2022).

Подобные рассуждения подтверждают целесообразность выделения дихотомии, классифицирующей работников по удовлетворенности от самозанятости: 1) добровольные самозанятые, 2) вынужденные самозанятые (см., например: [6]). Данная дихотомия крайне важна при анализе занятости пенсионеров, поскольку выступает наиболее ярким маркером того, является ли гиг-экономика инструментом прекаризации для пожилого работника.

Гиг-экономика для пожилых работников — благо или зло?

При совмещении этих двух макротенденций — прекаризации занятости и старения населения — возникает вопрос: является ли платформенная занятость (гиг-экономика) угрозой или новой возможностью для старшего поколения? Описанные учеными риски от нестандартной занятости приводят к мысли, что *такая форма труда играет для пожилых скорее позитивную роль*. Ниже представим несколько основных аргументов.

1) *Наличие у пенсионеров социальных гарантий в виде регулярных денежных пособий, льгот и компенсаций*. Одним из основных факторов прекаризации является отсутствие социальных гарантий от работодателя. Согласно данным опроса HeadHunter, серьезный минус перехода на самозанятость — отсутствие пособий на случай болезни или ухода в декрет (44%)¹⁸. Кроме того, более молодые группы гиг-работников отмечают, что наибольшим недостатком их занятости является непостоянность доходов (65%)¹⁹. Тут пожилые работники, получающие пенсию, находятся в заведомо более выгодном положении, нежели молодые, поскольку во многом защищены от рисков социальными гарантиями государства.

2) *Возможность повышения благосостояния*. Гиг-экономика создает возможности для повышения благосостояния пожилого человека, неизбежно сталкивающегося с возрастной дискриминацией на традиционной работе (по данным HeadHunter, 43% опрошенных соискателей сталкивались с отказом принять на работу из-за возраста, у молодежи до 25 лет аналогичный показатель — 11%)²⁰. Получение пожилыми дополнительных доходов может быть связано как с подработками, так и с постоянной платформенной занятостью. По данным «РГГУ Прекариат-2022», среди работников старше 55 лет 11% подрабатывают регулярно и 39% периодически. Часть из них могут быть вовлечены в гиг-занятость.

¹⁸ Плюсы и минусы режима самозанятости: результаты опроса // HeadHunter. — URL: <https://hh.ru/article/26512> (дата обращения 29.07.2022).

¹⁹ Проблемы и радости типичного фрилансера в 2020 году // WorkSpace. — URL: <https://workspace.ru/blog/the-challenges-and-joys-of-a-typical-freelancer-in-2020/> (дата обращения 07.04.2022).

²⁰ Трудоустройство и занятость пенсионеров // HeadHunter. — URL: <https://hhcdn.ru/file/16912628.pdf> (дата обращения 29.07.2022).

3) *Интеграция в новую трудовую реальность.* Изменения в сфере занятости вытесняют пожилых из профессиональной деятельности. Однако гиг-экономика выступает буфером против эйджизма и связанной с ним прекаризации, поскольку адаптация к новым условиям не требует особых навыков: достаточно научиться пользоваться интерфейсом платформы-агрегатора. Кроме того, пенсионеры зачастую работают на ретроградных должностях, которые рано или поздно поглощаются технологиями. Гиг-экономика позволяет найти дополнительные рабочие места, которые не пользуются популярностью у молодежи и где может пригодиться труд пожилого работника (например, на должности билетера).

В связи с этим обнаруживается и такое преимущество: в отличие от центров содействия занятости, интернет-платформа позволяет пенсионеру быстрее найти работу и самостоятельно определять, с каким заказчиком сотрудничать. Некоторые услуги оказываются дистанционно, поэтому для этого нет необходимости даже покидать дом.

Наконец, увольнение «по возрасту» (официальная причина может быть иной) более не означает конец трудового пути пожилого работника. Трудоустроиться вновь сложно: по данным HeadHunter, если соискатели 31–45 лет получают от 21,8 до 46,4% приглашений на собеседование, то в возрасте 46–55 лет — только от 2,5 до 8,2%²¹. Однако гиг-экономика позволяет получить трудовой доход, оказывая услуги в частном порядке (к примеру, бывший школьный учитель — репетитор, готовящий к поступлению в вуз).

4) *Здоровье как приоритет пожилого работника.* Гибкость труда является спорным преимуществом для самозанятых профессионалов, поскольку приводит к сверхэксплуатации: так, если более 60 часов в неделю среди фрилансеров трудятся около трети, то среди всех работающих — только 8% [16, с. 93]. Однако сверхэксплуатация возникает по причине нестабильности доходов. Эта проблема у пожилых гиг-работников смягчается наличием базового пенсионного дохода. Для них гибкость труда обладает положительным эффектом, поскольку предполагает самостоятельный выбор его интенсивности и графика, что позволяет не изнурять себя.

Данный аспект играет позитивную роль особенно в условиях пандемии, когда существенное влияние на здоровье оказывают частота и длительность контактов. Гиг-экономика позволяет пенсионерам — как представителям группы риска — реже появляться в местах массового скопления людей.

5) *Реальный («органический») канал социализации.* Реализуемая в России и мире политика активного долголетия ставит основной

²¹ Предпенсионеры: как работать без риска и чувствовать себя защищенным // HeadHunter. — URL: <https://hh.ru/article/29777> (дата обращения 29.07.2022).

целью включение пожилых в разные формы активности. Однако это инициатива «сверху». В то же время гиг-занятость, привлекая пенсионера, означает его собственную инициативу к ресоциализации и активному трудовому участию. Для этой роли достаточна даже эпизодическая занятость, решающая проблему социальной эксклюзии, дефицита социальной коммуникации пенсионера²².

б) *Фискальная политика государства в отношении самозанятых пенсионеров* — особый фактор. В противоположность вытеснению из занятости пенсионеров, работающих по найму, путем отмены им индексации пенсий, в отношении самозанятых пожилых государство проводит более эффективную политику. В ней сразу два достоинства. *Во-первых, для россиян, решивших оформить самозанятость, предусмотрена льгота от государства*: следовательно, и пожилой работник при оформлении статуса самозанятого получает налоговый «депозит» 10 тыс. рублей. Однако это не «вертолетные деньги», а скидка на оплату налога на самозанятость (вместо 4% самозанятый пенсионер выплачивает 3%, пока не исчерпает указанный лимит в 10 тыс. рублей). *Вторым и гораздо более существенным плюсом является тот факт, что такой род деятельности не является трудовым, то есть пенсионер числится неработающим и сохраняет индексацию пенсий и социальные льготы (за исключением тех, которые зависят от ежемесячного дохода)*²³.

Из вышеописанного следует, что гиг-занятость позволяет пенсионеру улучшить уровень и качество жизни, сохранить индексацию пенсий и не потерять базовую стабильность. Эта ситуация кардинально отличается от положения дел в допенсионных группах.

Однако вместе с тем *существенные риски гиг-экономика для пенсионеров все же несет*, увеличивая их социальную уязвимость и прекаризируя их. Перечислим эти риски.

1) *Принудительный перевод наемного работника в статус самозанятого в целях экономии*. По данным ВЦИОМа, лишь 10% пожилых хотели бы стать самозанятым или фрилансером²⁴. Следовательно, высока вероятность распространения «вынужденной самозанятости» среди пенсионеров, чему способствует гиг-экономика.

²² Вот слова участницы полуструктурированного интервью, пожилого самозанятого репетитора иностранного языка: «Когда мои учащиеся начинают говорить, для меня это просто песня в душе» [5, с. 118]. Иными словами, пожилой человек чувствует собственную ценность благодаря профессиональной коммуникации с учеником.

²³ База знаний по налогу на профессиональный доход // ФНС России. — URL: <https://npd.nalog.ru/faq/> (дата обращения 14.07.2022).

²⁴ Россияне полюбили фриланс // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-polyubili-frilans> (дата обращения 25.11.2022).

2) *Защита прав работника в гиг-экономике практически отсутствует.* Распространение дистанционной формы занятости поставило перед законодательством принципиально новые условия, поскольку такие объекты права, как рабочее место, трудовой договор и проч., растворяются [4, с. 31]. Особенно правовая незащищенность гиг-занятости затрагивает пожилых работников, поскольку они хуже ориентируются в цифровой реальности, в результате чего чаще других являются жертвами кибермошенничества (из отчета ЦБ, почти каждая третья жертва социальной инженерии в финансовой сфере — старше 60 лет)²⁵. Риски обмана заложены как во вредоносных ссылках и фишинговых сайтах, так и в отношениях с недобросовестным заказчиком.

3) *Стресс для пожилого работника от непостоянства в трудовых отношениях и неизвестности.* Как следует из интервью с самозанятыми (фрилансерами) пенсионерами, «среди привлекательных свойств цифровой занятости исполнители отмечают автономность и гибкие условия работы», хотя при этом информанты указывают, что «автономность не тождественна независимости», что негативно сказывается на балансе между работой и отдыхом [5, с. 120].

4) *Стресс перед необходимостью познавать новые технологии.* Во многом именно страх перед современной техникой находит отражение в полном отказе от использования компьютера (по данным ФОМа, 50% пожилых никогда не пользовались компьютером)²⁶, что негативно влияет на трудовой потенциал старшего поколения в условиях цифровизации занятости.

5) *Отсутствие оплачиваемого отпуска по болезни (хотя пожилые болеют чаще молодых).* По данным «РГГУ Прекариат-2022», 42% работников старше 55 лет имеют хронические заболевания. В связи с этим важна соцподдержка от работодателя, предоставляющая возможности для лечения и восстановления. Однако гиг-занятость не предполагает социальной ответственности заказчиков за исполнителей. Более того, основной мотив использования труда фрилансеров — кратковременность занятости, позволяющая сократить социальные расходы²⁷.

6) *Неоднородность электронной самозанятости.* Платформенная занятость неоднородна в своей сущности, поскольку предполагает ручной и интеллектуальный труд, высококвалифицированную дея-

²⁵ Основные типы компьютерных атак в кредитно-финансовой сфере в 2019–2020 годах // ЦБ РФ. — URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/32122/Attack_2019-2020.pdf (дата обращения 25.11.2022).

²⁶ Информационные технологии // Фонд «Общественное мнение». — URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14561> (дата обращения 25.11.2022).

²⁷ Исследование заказчиков услуг фрилансеров // TalentTech. — URL: <https://talenttech.ru/research/issledovanie-zakazchikov-uslug-frilanserov/> (дата обращения 07.04.2022).

тельность и низкоквалифицированные задачи. В связи с этим присутствует риск перехода пожилого специалиста к не соответствующему его навыкам труду (уборка, набор текста, продажи и проч.). К тому же, как показывает исследование, смена работы после выхода на пенсию с большой вероятностью приводит к прекаризации: к неформальной занятости, менее квалифицированной работе [15, с. 49–50].

Выше роль гиг-экономики проанализирована на уровне работника старшего возраста. На *национальном уровне* вовлечение пенсионеров в гиг-экономику оказывает положительный эффект: 1) происходит восполнение трудовых ресурсов в ситуации депопуляции [17] и сокращения притока мигрантов в связи с карантинными ограничениями на период пандемии [14], 2) возникают дополнительные возможности для повышения эффективности политики активного долголетия пенсионеров.

Заключение

Проведенный анализ научной литературы показал, что взгляды на флексибилизацию труда носят амбивалентный характер. Ж.Т. Тощенко, Г. Стэндинг и др. указывают на негативные последствия для занятости от развития гибкости труда, поскольку возникают новые формы эксплуатации работников. В то же время Д. Пинк отмечает освобождение работников, их независимость от коллективных целей.

Эмпирические данные в контексте гиг-занятости пожилых работников показывают, что подтверждаются аргументы обеих сторон. Так, для электронной самозанятости характерны нестабильность заработка, отсутствие соцпакета, сверхэксплуатация. Все эти прекарные тенденции отражаются и на работниках старшего поколения. Однако пенсионеры — специфическая социально-демографическая группа, в которой тенденции рынка труда сказываются своеобразно. Выявлен ряд преимуществ участия пенсионеров в гиг-экономике: 1) наличие у пенсионеров регулярных денежных пособий, льгот и компенсаций, в связи с чем нивелируются такие минусы нестандартной занятости, как непостоянность доходов и отсутствие социальных гарантий; 2) участие в гиг-экономике позволяет пенсионерам повысить свои доходы; 3) интегрироваться в новую трудовую реальность (цифровая занятость противостоит эйджизму при работе по найму); 4) гиг-занятость дает возможность выбирать интенсивность труда в зависимости от состояния здоровья; 5) выполняет функцию ресоциализации; 6) комфортная фискальная политика позволяет пожилым самозанятым сохранить индексацию пенсии и получить налоговый вычет в 10 тыс. рублей. Все это дает возможность предположить, что многие пожилые люди в случае своей информированности о приведенных преимуществах могут перейти к гиг-занятости в статусе добровольных самозанятых.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева Е.А., Вишневецкая М.Н.* Психологический смысл труда для жителей современного города // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 2 [электронный ресурс]. Дата обращения 03.02.2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskij-smysl-truda-dlya-zhiteley-sovremennogo-goroda> EDN: EIDAPD
2. *Григорьева И.А.* Прекаризация занятости пожилых в современной России // Социальные инновации в развитии трудовых отношений и занятости в XXI веке, Нижний Новгород, 15–16 сентября 2014 года / Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; Под общ. ред. З.Х-М. Саралиевой. Нижний Новгород: ООО «Научно-исследовательский социологический центр», 2014. С. 61–66. EDN: ТТВАСD
3. *Григорьева И.А., Дмитриева А.В., Биккулов А.С.* Социальное включение пожилых: продление занятости или «продвинутый» досуг? // Государство и граждане в электронной среде. 2017. № 1. С. 298–307. DOI: 10.17586/2541-979X-2017-1-298-307 EDN: YWWAJO
4. *Запесоцкий А.С.* Новые реалии социально-трудовой сферы // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 4. С. 26–45. DOI: 10.34823/SGZ.2021.4.51627 EDN: YUCIPI
5. *Картузова М.В.* Электронная самозанятость в старшем возрасте: мечта длиною в жизнь и монетизация деловых связей // Журнал исследований социальной политики. 2022. № 1. С. 113–124. DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-1-113-124 EDN: RFDWBE
6. *Касаткина Н.П., Шумкова Н.В.* От самообразования к самозанятости: непарадный вход молодежи на рынок труда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 201–223. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1600 EDN: MTLRBC
7. *Козина И.М., Зангиева И.К.* Государственное и рыночное регулирование трудовой активности пенсионеров // Журнал исследований социальной политики. 2018. № 1. С. 7–22. DOI: 10.17323/727-0634-2018-16-1-7-22 EDN: YVBCNX
8. *Козырева П.М., Смирнов А.И.* Человек уважаемый: динамика и особенности самоидентификации, 1994–2020 гг. // Социологический журнал. 2022. Том 28. № 2. С. 8–25. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.2.8984 EDN: AQCPVM
9. *Крауч К.* Победит ли гиг-экономика? / Пер. с англ. Ю. Каптуревского; Под науч. ред. С. Шукиной; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 144 с.
10. *Липидус Л.В., Полякова Ю.М.* Гиг-экономика как новая социально-экономическая модель: развитие фрилансинга и краудсорсинга // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 6. С. 73–89. EDN: SLUWDZ
11. Прекариат: становление нового класса: (коллективная монография) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. — 400 с.

12. От precarious занятости к прекарнизации жизни. Коллективная монография / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Изд-во «Весь Мир», 2022. — 364 с.
13. *Ржаницына Л.С.* Пенсионеры: как они живут и как улучшить их положение // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 61–71. EDN: WZJRXD
14. *Рязанцев С.В., Иванова А.Е., Архангельский В.Н.* Усиление депопуляции в России в контексте пандемии COVID-19: региональные особенности // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. № 2. С. 7–20. DOI: 10.17213/2075-2067-2021-2-7-20 EDN: WCYZNG
15. *Сонина Ю., Колосницына М.* Пенсионеры на российском рынке труда: тенденции экономической активности людей пенсионного возраста // Демографическое обозрение. 2015. № 2. С. 37–53. DOI: 10.17323/demreview.v2i2.1781 EDN: VBTESV
16. *Стребков Д.О., Шевчук А.В.* Ловушка гибкой занятости: как нестандартный график работы влияет на баланс между работой и жизнью фрилансеров // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 86–102. DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.06 EDN: FXUOQE
17. *Топилин А.В., Воробьева О.Д.* Демографическая ситуация и особенности формирования трудовых ресурсов России и регионов в перспективе // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 9. С. 856–864. DOI: 10.31857/S0869587321090097 EDN: JXOCNN
18. *Тощенко Ж.Т.* Новое социально-экономическое явление: прекариат // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. 2022. № 1. С. 146–161. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-146-161 EDN: GBMQXQ
19. *Шевченко И.О., Шевченко П.В.* От прекарнизации занятости — к прекарнизации жизни? // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 63–75. DOI: 10.31857/S013216250018913-7 EDN: HMNWPO
20. *Dörre K.* Prekäre Arbeit. Unsichere Beschäftigungsverhältnisse und ihre sozialen Folgen. Arbeit. 2006. Vol. 15. No. 3. P. 181–193. DOI: 10.1515/arbeit-2006-0305
21. *Lain D., Airey L., Loretto W., Vickerstaff S.* Understanding older worker precarity: the intersecting domains of jobs, households and the welfare state // Ageing and Society. 2018. Vol. 39. P. 2219–2241. DOI: 10.1017/S0144686X18001253
22. *Milkman R.* The Senior Precariat // New Labor Forum. 2018. Vol. 27. Iss. 1. P. 44–52. DOI: 10.1177/1095796017745283
23. *Pink D.H.* Free Agent Nation: The Future of Working for Yourself. 2002. New York: Business Plus, 2002. — 386 p.
24. *Standing G.* The Precariat: The New Dangerous Class. London: Bloomsbury Academic, 2011. — 198 p. DOI: 10.1017/S0047279412000876
25. *Sundararajan A.* The Sharing Economy: The End of Employment and the Rise of Crowd-Based Capitalism. Cambridge, MA: The MIT Press, 2016. — 256 p. DOI: 10.1017/beq.2018.31

26. *Vallas S.P., Schor J.B.* What Do Platforms Do? Understanding the Gig Economy // *Annual Review of Sociology*. 2020. Vol. 46. P. 273–294. DOI: 10.1146/annurev-soc-121919-054857

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ниорадзе Георгий Владимирович — научный сотрудник, аспирант социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, младший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН. **Телефон:** +7 (499) 973-42-12. **Электронная почта:** nioradzersuh@gmail.com

Дата поступления: 16.08.2022.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2022.
VOL. 28. No. 4. P. 102–117. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.4.9317

Research Article

GEORGY V. NIORADZE^{1, 2}

¹ Russian State University for The Humanities.

Miusskaya sq., 6, Moscow, GSP-3, 125993, Russian Federation.

² The Institute of Demographic Research of FCTAS RAS.

6/1, Fotievoy str., 119333, Moscow, Russian Federation

OLDER WORKERS' LABOR AND THE GIG-ECONOMY: PRECARIZATION OR NEW OPPORTUNITIES?

Abstract. The gig-economy is a flexible form of labor characterized by project employment on digital platforms. The purpose of the article is to analyze the essence of the gig-economy in order to assess its impact on the work of the older generation. The analytical review was made taking into account the following tasks: 1) analysis of relevant literature, 2) secondary analysis of quantitative, qualitative and statistical data, 3) assessing the impact of the gig-economy on the employment of pensioners in terms of precarization. An analysis of the literature shows that the “flexibilization” of the labor market is described in ambiguous terms: a number of authors describe the positive aspects (no set schedule, growth of individuality, eradication of bureaucratic restrictions), while others focus on the negative consequences (instability of income, lack of social guarantees, overexploitation, etc.). The author highlights a number of negative risks for the elderly gig-employed (forced self-employment, vulnerability to fraud, lack of social guarantees from the employer, etc.), but comes to the conclusion that the gig economy has a fairly positive impact on the employment of the elderly: 1) social security (basic pension income and social state protection), 2) integration into a new labor reality and opportunities to improve well-being, 3) resocialization, etc. A separate advantage of self-employment is a fiscal innovation that is beneficial for the elderly which allows pensioners to obtain the status of self-employed without sacrificing pension indexation. The scientific novelty of the study lies in analyzing the employment of the older generation through the lens of the gig-economy and precarization.

Keywords: pensioners; gig-economy; precarization; platform employment; active longevity; older generation; aging; labor market; work of pensioners.

For citation: Nioradze, G.B. Older Workers' Labor and the Gig-Economy: Precarization or New Opportunities? *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2022. Vol. 28. No. 4. P. 102–117. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.4.9317

Acknowledgement. The article was supported by Russian Science Foundation (project No. 18-18-00024).

REFERENCES

1. Andreeva E.A., Vishnevskaya M.N. Psychological meaning of work for the inhabitants of the modern city. World of Science. *Pedagogika i psikhologiya*. 2019. No. 2 (7). Accessed 03.02.2021. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/59PSMN219.pdf> (In Russ.)
2. Grigoryeva I.A. Precarization of employment of the elderly in modern Russia. *Sotsial'nye innovatsii v razvitiitrudovykh otnoshenii i zanyatosti v XXI veke, Nizhnii Novgorod, 15–16 sentyabrya 2014 goda*. [Social innovations in the development of labor relations and employment in the KSHI century, Nizhny Novgorod, September 15–16, 2014.] Ed. by Z.H.-M. Saralieva. Nizhny Novgorod: OOO “Nauchno-issledovatel'skii sociologicheskii tsentr” publ., 2014. P. 61–66. (In Russ.)
3. Grigoryeva I.A., Dmitrieva A.V., Bikkulov A.S. Social inclusion of older people: continuing working life or leisure time? *Gosudarstvo i grazhdane v elektronnoi srede*. 2017. No. 1. P. 298–307. DOI: 10.17586/2541-979X-2017-1-298-307 (In Russ.)
4. Zapesotsky A.S. New realities of the social-labor sphere. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2021. No. 4. P. 26–45. DOI: 10.34823/SGZ.2021.4.51627 (In Russ.)
5. Kartuzova M.V. The digital-based self-employment of ageing population: the dream of one's life or monetization of one's network. *Zhurnal issledovaniit sotsial'noi politiki*. 2022. No. 1. P. 113–124. DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-1-113-124 (In Russ.)
6. Kasatkina N.P., Shumkova N.V. From Self-Education to Self-Employment: Back Entrance for Youth to the Labor Market. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2020. No. 3. P. 201–223. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1600 (In Russ.)
7. Kozina I.M., Zangieva I.K. State and market regulation of labour activity of old-age pensioners. *Zhurnal issledovaniit sotsial'noi politiki*. 2018. No. 1. P. 7–22. DOI: 10.17323/727-0634-2018-16-1-7-22 (In Russ.)
8. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. A Respected Individual: Self-Identification Dynamics and Specifics, 1994–2020. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2022. Vol. 28. No. 2. P. 8–25. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.2.8984 (In Russ.)
9. Crouch C. Will the Gig Economy Prevail? [Russ. ed.: *Pobedit li gig-ekonomika?* Transl. from Eng. by Yu. Kapturevskii; Ed. by S. Shchukina. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House publ., 2020. 144 p.] (In Russ.)
10. Lapidus L.V., Polyakova Yu.M. Hygonomics as a new socio-economic model: the development of freelancing and crowdsourcing. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk*. 2018. No. 6. P. 73–89. (In Russ.)
11. *Prekariat: stanovlenie novogo klassa: (kollektivnaya monografiya)*. [Precariat: the emergence of a new class (collective monograph).] Ed. by Zh.T. Toshchenko. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing publ., 2020. 400 p. (In Russ.)
12. *Ot prekarnoi zanyatosti k prekarizatsii zhizni. Kollektivnaya monografiya*. [From Precarious Employment to Precarious Quality of Life.] Collective monograph. Ed. by Zh.T. Toshchenko. Moscow: Ves Mir publ., 2022. 364 p. (In Russ.)
13. Rzhanitsyna L.S. Pensioners: how they live and how to improve their situation. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2016. No. 11. P. 61–71. (In Russ.)
14. Ryazantsev S.V., Ivanova A.E., Arkhangel'sky V.N. Increasing Depopulation in Russia in the Context of The Covid-19 Pandemic: Regional Features. *Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo*

- gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki. 2021. Vol. 14. No. 2. P. 7–20. DOI: 10.17213/2075-2067-2021-2-7-20 (In Russ.)
15. Sonina Yu. V., Kolosnitsyna M.G. Pensioners on the Russian labour market: trends of economic activity in pension age. *Demograficheskoe obozrenie*. 2015. No. 2. P. 37–53. DOI: 10.17323/demreview.v2i2.1781 (In Russ.)
 16. Strebkov D.O., Shevchuk A.V. The trap of flexible work schedule: how unusual working patterns influence the work-life balance of freelancers. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2019. No. 3. P. 86–102. DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.06 (In Russ.)
 17. Topilin A.V., Vorob'eva O.D. Demographic situation and peculiarities of the formation of labor resources in Russia. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*. 2021. Vol. 91. No. 9. P. 856–864. DOI: 10.31857/S0869587321090097 (In Russ.)
 18. Toshchenko Zh.T. A new socio-economic phenomenon: precariat. *Noonomika i noobshchestvo. Al'manakh trudov INIR im. S.Yu. Vitte*. 2022. Vol. 1. No. 1. P. 146–161. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-146-161 (In Russ.)
 19. Shevchenko I.O., Shevchenko P.V. From employment precarization to life precarization? *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2022. No. 7. P. 63–75. DOI: 10.31857/S013216250018913-7 (in Russ.)
 20. Dörre K. Prekäre Arbeit. Unsichere Beschäftigungsverhältnisse und ihre sozialen Folgen. *Arbeit*. 2006. Vol. 15. No. 3. P. 181–193. DOI: 10.1515/arbeit-2006-0305
 21. Lain D., Airey L., Loretto W., Vickerstaff S. Understanding older worker precarity: the intersecting domains of jobs, households and the welfare state. *Ageing and Society*. 2018. Vol. 39. P. 2219–2241. DOI: 10.1017/S0144686X18001253
 22. Milkman R. The Senior Precariat. *New Labor Forum*. 2018. Vol. 27. Iss. 1. P. 44–52. DOI: 10.1177/1095796017745283
 23. Pink D.H. *Free Agent Nation: The Future of Working for Yourself*. 2002. N.Y.: Business Plus, 2002. 386 p.
 24. Standing G. *The Precariat: The New Dangerous Class*. L.: Bloomsbury Academic, 2011. 198 p. DOI: 10.1017/S0047279412000876
 25. Sundararajan A. *The Sharing Economy: The End of Employment and the Rise of Crowd-Based Capitalism*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2016. 256 p. DOI: 10.1017/beq.2018.31
 26. Vallas S.P., Schor J.B. What Do Platforms Do? Understanding the Gig Economy. *Annual Review of Sociology*. 2020. Vol. 46. P. 273–294. DOI: 10.1146/annurev-soc-121919-054857

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Georgy V. Nioradze — Researcher, Postgraduate Student, Russian State University For The Humanities; Junior Researcher, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS)/ **Phone:** +7 (499) 973-42-12.
Email: nioradzersuh@gmail.com

Received: 16.08.2022.
